

УДК 821.161.09(092)

ХРИСТИАНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

Ключевые слова: христианская аксиология и русская литература, творчество В.С. Соловьева, философская поэзия, библейская образность, символизм.

В статье рассматривается тесная взаимосвязь поэтического творчества В.С. Соловьева с его христианским мировоззрением. Анализируются стихотворения, в которых проявилась библейская образность, воплотились апокалиптические предчувствия поэта и его христианское видение эволюции мира («Прометей», «VIS EJUS INTEGRA», «Дракон», «Вновь белые колокольчики»); дается характеристика рождественских стихотворений, отразивших представление философа о метаистории человечества через призму важнейшего события Боговоплощения («Ночь на рождество», «Иммануэль»). Показано, что ядром философской поэзии Соловьева, несмотря на свойственные ей софийность и мистицизм, является христианское миропонимание.

На протяжении двух тысяч лет христианство было и остается важнейшей аксиологической системой для многих народов. Для русской культуры православие стало и отправной точкой зарождения письменной литературы (достаточно вспомнить блестящее начало – «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, XI в.), и источником бесконечных религиозно-философских поисков и интерпретаций (наиболее яркими образцами считаются произведения Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А. Ахматовой, И. Шмелева, Б. Зайцева и многих других). В этот ряд можно поставить и творчество Владимира Соловьева.

В.С. Соловьев хорошо известен как русский религиозный философ и немного меньше – как поэт-мистик второй половины XIX века. И если в философии его считают основоположником нового направления, связанного с апологетикой христианства, то в поэзии он признан предтечей символизма, проявив себя, прежде всего, как певец мистического образа Софии, Вечной Женственности, Души Мира. Лирику Соловьева действительно можно назвать софийной по преимуществу (более половины стихотворений философа и его известная поэма «Три свидания» (1898) проникнуты как эксплицитным, так и имплицитным софийным содержанием), а софиология, как известно, учение не принятое в христианском догматическом богословии и рассматриваемое скорее как выражение частного мнения. Однако есть в наследии Соловьева и корпус стихотворений, которые можно отнести именно к христианской поэзии и в которых наиболее явно воплотились духовные ориентиры религиозного философа. К ним и обратимся.

Исследование христианских реминисценций в поэтическом творчестве Соловьева выявляет в первую очередь активное использование им библейских образов и сюжетов, среди которых важнейшее место занимает пласт апокалиптической символики. Тема конца мира – процесса постепенной трансформации материи (через очищающие страдания) и всемирного воскресения (окончательного обожения материи), судя по всему, очень волновала Соловьева как философа и как поэта.

Отдельные элементы апокалиптической символики встречаются уже в его ранней поэзии. Одно из первых стихотворений Соловьева «Прометей» (1874) является философским размышлением над судьбой мира и насыщено апокалиптической символикой. Первый этап совершенствования мира, по мнению поэта, – это индивидуальная духовная эволюция: примирение и гармоничное соединение разрозненных частей бытия в единое целое (Всеединство) на ментальном и эмоциональном уровнях через чувство любви и «блаженного примиренья» с Божественным замыслом как результат духовного взросления:

Когда душа твоя в одном увидит свете
Ложь с правдой, с благом зло,
И обоймет весь мир в одном любви привете,
Что есть и что прошло;

Когда узнаешь ты блаженство примиренья;
Когда твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет, –

Тогда наступит час – последний час творенья... [2, 88].

Второй этап всемирной эволюции, представленный в стихотворении из-за своей метафизической сложности в более символической зашифрованной форме, – это наиндивидуальный, глобальный процесс, синергия которого будет определена соединением духовного устремления просветленного человечества и ответным вектором движения высших трансцендентных сил. Символически этот процесс воплощен в библейском апокалиптическом образе «божественного огня», результатом чего станет наступление «утра вечного» и «жизни новой», подобно тому, как это описано в Откровении Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...» (Откр., 21, 1). У Соловьева же находим следующий образ освобожденного и преображенного мира:

Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественным огнем,
И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одним [2, 88].

Итак результатом эволюции мира, по Соловьеву, станет «проявленное Всеединство», зафиксированное в философско-поэтической формуле «Одно во всем и все в Одним», где написание слова Один с заглавной буквы свидетельствует о том, что под ним подразумевается сам Бог (единый по существу – в христианском вероучении). Важно и то, что несмотря на тревожную апокалиптическую символику и семантику, стихотворение «Прометею» очень оптимистично, поскольку и в картине мира самого поэта, и в христианском миропонимании конец света – событие радостное, ибо оно возвращает миру и человеку некогда утраченную связь с Богом.

Другой пример – стихотворение «VIS EJUS INTEGRA» («Сила пребудет нераздельной...», 1876) – тоже условно можно разделить на две части. В первой – поэт упоминает отдельных персонажей античной мифологии: муз и харит, царицу Китеры, древнего Кроноса, через образы которых символически воссоздается состояние непросветленного земного бытия. На контрасте с первой, насыщенной языческими образами, во второй части стихотворения предстает картина грандиозного перерождения мира, глубоко символическая, читаемая только через мистико-апокалиптическую образность. «Сокрытое пламя», прорывающееся наружу и охватывающее землю пожаром, – сродни символу метафизического небесного огня из Откровения Иоанна: «И ниспал огонь с неба...» (Откр., 20, 9), «И смерть и ад повержены в озеро огненное...» (Откр., 20, 14). В символической интерпретации пламя – это метафизическая Божественная сила, преображающая землю; не деструктивная стихия, но духовный огонь, просветляющий материю. Встреча Души Мира со своим Творцом, человечества с Богом, восстановление связи «неба с землей», материи с Духом, семантически связанное опять же с евангельским образом «нового неба и новой земли», у Соловьева описывается через емкий образ-символ восстановленной «золотой цепи», звенья которой вновь сомкнутся, возвратив утраченное единство с Богом.

Рано иль поздно пробьется наружу сокрытое пламя,
Молнией вспыхнет и землю широким охватит пожаром.
<...>
Все то в одну непреклонную силу сольется,
волшебным
Мощным потоком все думы людские обнимет,
Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает [2, 28].

Начало этого великого движения к преображению и обожению всего мира, согласно концепции Соловьева, уже давно положено, а событием, ставшим важнейшим в метаистории всей Земли, философ считает приход в мир Христа, который видимым и невидимым образом изменил судьбу всего человечества: «Воплощение божественного Логоса в лице Иисуса Христа, есть явление нового духовного человека, второго Адама», который «не есть только это индивидуальное существо, но вместе с тем и универсальное, обнимающее собою все возрожденное человечество» [3, 218].

Для Соловьева Христос становится первым Богочеловеком, которому удалось идеально сочетать в себе два начала – духовное и материальное – не просто подчинив второе первому, но просветлив телесное бытие. Побеждая зло, разложение и смерть, Христос проходит весь земной путь, открывая направление эволюции всему человечеству; Его пример совершенного «должного отношения между Божеством и природой» [3, 228] и уникальный опыт воскресения – начало богочеловеческого процесса.

Учение философа о Христе воплотилось в ряде поэтических произведений, большая часть которых, разумеется, глубоко христианская по своему смысловому наполнению.

Так, например, в стихотворении «Имману-эль» (1892), посвященном событию Рождества Христова, в сильной позиции названия произведения используется имя, которое, согласно христианской традиции, представляет собой одно из пророческих имен Христа, данного в ветхозаветной книге

пророка Исаии, связанного с его рождением и в переводе означающего торжествующую песнь «С нами Бог!». Важно, что Соловьев в стихотворении «Иммануэль» ни разу не называет имени Христа, но предпочитает поэтическую отстраненность и символическую недосказанность: он активно использует в тексте выражение «с нами Бог», трижды по разному обыгрывая его, а так же новозаветное христианское наименование Христа – Слово, следуя традиции начала евангелия из Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоан 1,1), и тем самым соединяет ветхозаветную и новозаветную традиции в рамках одного стихотворения. А заключительные строки этого рождественского текста звучат радостной верой, даже уверенностью в онтологически непреложных христианских законах, над которыми ничто земное и кратковременное не властно:

Да! С нами Бог, – не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханьи бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь – средь суеты случайной,
В потоке шумном жизненных тревог.
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог [2, 34].

К рождественской поэтической традиции следует отнести и еще одно стихотворение Соловьева с соответствующим названием «Ночь на Рождество» (1894). Как и ранее, символически, через христианские и даже мистические образно-поэтические формулы: «к земле небо преклонилось», «распахнулся вечности чертог», «глагол истины звучит», «родился в мире свет» и т.д. – поэт описывает важнейшее метафизическое событие, происшедшее много веков назад. Стихотворение начинается несколько пессимистичными рассуждениями о том, что событие Рождества было давно и на первый взгляд, мало что изменилось в человеческой истории: друг за другом следуют тысячелетия непрекращающихся преступлений, войн, насилия, мир лежит во зле настолько, что, казалось бы, стоит задуматься, не тщетным ли было само событие Боговоплощения... Но Соловьев остается верен христианским идеалам добра и, вопреки всем сомнениям, гимном духовного оптимизма звучит последнее четверостишие, в котором, перефразировав известную цитату из Евангелия от Иоанна («И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» Иоан. 1,5), поэт символически описал борьбу света и тьмы и провозгласил окончательную победу первого в светлую рождественскую ночь:

Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осуждён и все его дела [2, 34].

Подобным образом и в стихотворении «Воскресшему» (1895) предчувствие радостного события весеннего перерождения мира ассоциируется у поэта с христианским представлением об окончательной победе жизни над смертью – всемирного воскресения, что символизируется в образах «веселого траура», победного блеска солнечных лучей, вечной «грядущей весны» [2, 61].

В последние годы жизни Соловьева в его творчестве вновь актуализируются апокалиптические образы, поскольку поэт предчувствовал приближение скорой смерти и воспринимал ее как микроапокалипсис собственной души: предстояло пройти через горнило сомнений и страданий, через процесс болезненного умирания, который он всегда по-христиански воспринимал как метафизический переход, как возвращение души в свою небесную обитель. «Я смерти не боюсь» [2, 33], – так и писал Соловьев в стихотворении 1892 года.

Незадолго до смерти Соловьев издает одно из своих последних и самых сложных произведений «Три Разговора» (1898–1900), заканчивающихся «Повестью об Антихристе», в которой, по утверждению самого Соловьева, описываются формы «крайнего проявления зла в истории, его краткого торжества и решительного падения» [4, 365]. Обостряются пессимистические настроения философа в его оценке сложившейся мировой ситуации, все более нарастает экзистенциальное ощущение бытия. В поэзии это гнетущее настроение передается символикой беспросветной темной ночи и приближающейся грозы («Непроглядная темень кругом...», 1890).

Но, изменив свое отношение к реальности, Соловьев не отказывается от созданного им учения, основа которого – непреложная христианская вера в необходимость борьбы со злом и неизбежность конечного торжества Божественной истины на земле. В стихотворении «Дракон» (1900), написанном за месяц до смерти, поэт выводит образ Богочеловека – последователя Христа, рыцаря духа, борца с метафизическим драконом (апокалиптическим символом антихриста). Тревожные предчувствия умирания мира и противоречивые настроения поэта здесь воплощаются в образе священной войны, в которой побеждает носитель «Христового огня», мужественно поднимающий не меч, а крест. В мистическом плане дракон символизирует саму смерть, в схватку с которой должен

вступить каждый человек, вооружившись лишь крестом – личной верой в Бога, в победу Христа над законами земного бытия и в возможность собственного воскресения:

Полно любовью Божье лоно.
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно [2, 97].

Спустя две недели поэт пишет свое последнее стихотворение, в котором ключевым символом становятся «стройно-воздушные белые ангелы», отсылающие к образу Ангелов смерти из Откровения. На формальном уровне данное произведение интересно использованием двустопного дактиля – совсем нехарактерного для Соловьева размера, благодаря чему создается ощущение нервного обрывочного стиха, подобного учащенному биению «больного сердца». На содержательном уровне можно отметить элементы поэтики сна-откровения: «здесь вы нездешние, верные сны», – замечает поэт, для которого все более реальным становится трансцендентное бытие. Грани между мирами размываются, и потому мысль лирического героя фрагментарна, непоследовательна (каждая новая строфа представляет один или несколько новых образов, которые между собой связаны лишь условно), образы туманны, загадочны, символичны. Земная реальность уже тяготит своими «тяжкими, душными, грозными, летними днями», и сознание, соскальзывая в инобытие, фиксирует знаковые символические образы: долгожданный восход солнца, омытый кровью страданий, и присутствие ангелов – метафизических сущностей, сопровождающих переход, которых лирический герой уже начинает видеть духовным взором:

Зло позабытое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви.

Замыслы смелые
В сердце больном, –
Ангелы белые
Встали кругом... [2, 98].

Итак, в поэтическом творчестве Соловьева прослеживается воплощение важнейших христианских идей через использование библейских ветхозаветных и новозаветных образов и сюжетов, через само мироощущение лирического героя, основанное на вере в невидимое, на прославлении важнейшей роли Христа в развитии мира, на глубоко христианском отношении к смерти, на борьбе с реальным и метафизическим злом, на предчувствии возможного бессмертия. Стремясь к уникальному синтезу различных мировоззренческих систем, включая мистико-эзотерические, Соловьев создал свою оригинальную поэтическую картину мира, в которой не утрачивались и не обесценивались, но приобретали новое значение и звучание многие достижения человеческого духа, но ядром этой системы всегда была христианская аксиология.

Литература

1. Библия. Синадальный перевод. – М.: Рос. библ. об-во, 1997. – 1376 с.
2. Соловьев, В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / В.С. Соловьев // Собр. соч.: в 12 т. – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1970. – Т. 12. – С. 1–235.
3. Соловьев, В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев // Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев; ред., вступ. статья и комментарии С.П. Заикина. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 37–240.
4. Соловьев, С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция / С.М. Соловьев. – М.: Республика, 1997. – 431 с.

L.L. Avdeichik

Belarusian State University
e-mail: milar25@gmail.com

Christian axiology in poetic creativity of V.S. Soloviev

Key words: Christian axiology and Russian literature, V.S. Soloviev's creativity, philosophical poetry, biblical imagery, symbolism.

The article considers the close connections between the poetic creativity of V.S. Solovyov and his Christian worldview. The separate poems are analyzed as the examples of the biblical imagery manifestation and the apocalyptic Christian visions of the evolution of the world ("Prometheus", "VIS EJUS INTEGRA", "Dragon", "Again White Bells"). Also there is the characteristic of Christmas poems, which reflect the philosopher's view of the meta-history of mankind through the prism of the most important event of the God-Incarnation ("Christmas Night", "Immanuel"). It is shown that in spite of its sophianism and mysticism the core of the Soloviev's philosophical poetry is the Christian outlook.